Вячеслав Гот

12+

ПОПАДАНЕЦ, Я СТАЛ АГЕНТОМ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Вячеслав Гот

Попаданец. Я стал агентом Тайной канцелярии

«Издательские решения»

Гот В.

Попаданец. Я стал агентом Тайной канцелярии / В. Гот — «Издательские решения»,

Я думал, что хорошо знаю историю 18 века. Пока однажды не оказался в Петербурге во времена Екатерины Великой.Теперь у меня нет ни документов, ни денег, ни возможности вернуться домой. Зато есть знания о будущем — и слишком много людей, готовых убить за государственные тайны.Меня замечает Тайная канцелярия и предлагает выбор: тюрьма или служба.Я выбираю службу.И самое страшное — похоже, кто-то ещё знает, что я попаданец.

© Гот В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Провал в прошлое 6
Глава 2. Без имени 14
Глава 3. Люди в чёрном 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Попаданец. Я стал агентом Тайной канцелярии

Вячеслав Гот

© Вячеслав Гот, 2026

ISBN 978-5-0071-5630-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Провал в прошлое

Первое, что я почувствовал — запах.

Не метафору, не литературный образ. Самый настоящий, физический запах, который ударил в нос, как кулак пьяного извозчика. Смесь гниющей капусты, лошадиного навоза, мокрой шерсти и чего-то кислого, отдалённо напоминающего прокисшее пиво. Я задохнулся, закашлялся и открыл глаза.

Надо мной было небо. Серое, низкое, затянутое облаками, какие бывают в Петербурге в конце октября. Только это был не тот Петербург, который я знал. Не тот, где я жил в съёмной студии на Лиговском, пил кофе в «Starbucks» и каждое утро бежал на работу в офис на Невском.

Это было другое небо. И другой город.

Я лежал на спине в узком проходе между двумя деревянными строениями. Слева — почерневшая от времени стена, справа — забор из кривых досок. Подо мной — земля, смешанная с грязью и какой-то органической массой, которую я предпочёл не идентифицировать. Голова гудела так, будто по ней прошёлся товарный поезд.

— Чёрт, — простонал я, пытаясь сесть.

Тело не слушалось. Руки дрожали, ноги были ватными, во рту стоял металлический привкус. Я посмотрел на свои ладони — они были в грязи, но это были мои руки. Те же пальцы, та же родинка на запястье. Я был собой. По крайней мере, физически.

Последнее, что я помнил… Лаборатория. Университетская лаборатория на кафедре физики. Эксперимент с временными полями, который должен был стать моей диссертацией. Установка, собранная из списанного оборудования и деталей, заказанных на «Алиэкспрессе». Я включил питание, и… Вспышка. Ослепительно-белая, как сварка. И тишина.

А потом — этот запах.

Я поднялся на ноги, опираясь на стену. Меня качнуло. Пришлось схватиться за доску, чтобы не упасть. Доска оказалась влажной и холодной. Я посмотрел на неё и только теперь заметил детали, которые не укладывались в привычную картину.

Гвозди. Кованые, ручной работы, с квадратными шляпками. Такие не делают на заводах. Такие делает кузнец. Я видел похожие в музеях — в экспозиции, посвящённой быту XVIII века.

— Так, — сказал я вслух, и собственный голос показался мне чужим. — Так, спокойно. Это сон. Это бред. Это… что угодно.

Я выглянул из прохода.

Улица — если это можно было назвать улицей — представляла собой узкую полосу грязи, вдоль которой стояли деревянные дома с низкими крышами и крошечными окнами. Никакого

асфальта. Никаких тротуаров. Никаких проводов, никаких машин, никаких вывесок на русском и английском. Только дерево, грязь и серое небо.

По улице шли люди. Женщина в длинном тёмном платье и платке, накинутом на плечи, несла ведро. Мужчина в кафтане неопределённого цвета, с бородой и в шапке, тащил мешок. Мальчишка лет десяти в рваной рубахе бежал куда-то, шлёпая босыми ногами по лужам.

Я замер. Это не были костюмы. Это не была реконструкция. Это была жизнь. Настоящая, грубая, пахнущая навозом и дымом.

— Бред, — прошептал я. — Это бред.

Я сделал шаг вперёд и чуть не упал, споткнувшись о камень. Посмотрел под ноги — обычный булыжник, вросший в землю. Рядом — ещё один. И ещё. Дорога была вымощена камнем, но так криво и неровно, что идти по ней было мучением.

Я вышел на улицу. Прохожие не обращали на меня внимания. По крайней мере, сначала. Потом женщина с ведром остановилась и уставилась на меня, как на привидение.

— Чего вылупилась? — буркнул я по привычке.

Она вздрогнула и быстро засеменила прочь, прижимая ведро к груди. Мужчина с мешком тоже ускорил шаг, бросив на меня настороженный взгляд.

Я опустил глаза и понял причину их реакции.

На мне была моя одежда. Джинсы. Кроссовки «Nike». Чёрная куртка-пуховик с логотипом бренда, который ещё не существовал. И самое главное — никакого кафтана, никакой шапки, никакого платка. Я выглядел как пришелец из другого мира.

Потому что я и был пришельцем из другого мира.

— Отлично, — пробормотал я. — Просто отлично. Диссертация удалась. Я первый в мире физик, который доказал существование временных переходов. Только вот… какого чёрта я оказался в прошлом?

Я попытался вспомнить настройки установки. Мощность, частоту, фазу. Всё смешалось в голове. Кажется, я что-то перепутал. Или что-то пошло не так. Или… Кто вообще сказал, что это было случайно?

Мимо прошла ещё одна группа людей — трое мужчин в кафтанах и с тростями. Они говорили по-русски, но с каким-то странным акцентом, и я с трудом разбирал слова. Что-то про «государыню», про «указ», про «Сенат». Я прислушался.

— …говорят, будет новый манифест, — сказал один из них. — О вольности дворянства.

— Опять? — отозвался второй. — Сколько можно?

— Так ведь времена такие. Государыня…

Они прошли мимо, не обратив на меня внимания. Я стоял, как идиот, и пытался осознать услышанное.

Государыня. Манифест о вольности дворянства. Сенат.

Я знал историю. Знал её достаточно хорошо, чтобы понять, о чём речь. Манифест о вольности дворянства был издан в 1762 году Петром III, а потом подтверждён Екатериной II. Значит… Я находился во второй половине XVIII века. В эпоху Екатерины Великой.

— Нет, — прошептал я. — Нет, нет, нет.

Я бросился обратно в переулок, где очнулся. Может быть, там осталось что-то? Какой-то след, какая-то зацепка? Но там была только грязь и стены. Никакой установки. Никакой вспышки. Никакого портала.

Я сел на землю, прислонившись спиной к стене. Голова кружилась. Мысли путались. Я пытался найти логическое объяснение, но его не было. Я не был сумасшедшим. Я не принимал наркотики. Я не пил. Я просто… Я просто оказался здесь.

И тут меня накрыло.

Паника. Настоящая, животная паника, от которой трясутся руки и перехватывает дыхание. Я в прошлом. В чужом времени. Без документов. Без денег. Без связей. Без возможности вернуться. Один.

Я вцепился в свои волосы и сжал зубы, чтобы не закричать. Нельзя. Нельзя привлекать внимание. Если меня заметят… Что со мной сделают? В XVIII веке с подозрительными людьми не церемонились. Никаких прав, никаких адвокатов, никаких «вы имеете право хранить молчание». Только кнут, каторга или что похуже.

Я вспомнил учебники истории. Тайная канцелярия. Тайная экспедиция. Пытки. Ссылки в Сибирь. «Слово и дело». Я знал, что в эпоху Екатерины II политический сыск никуда не исчез — он просто сменил вывеску. И если я привлеку внимание…

— Спокойно, — сказал я себе. — Спокойно. Думай.

Первое: мне нужно убраться с улицы. Второе: мне нужно избавиться от этой одежды. Третье: мне нужны документы. Или хотя бы легенда, которая объяснит, кто я такой и откуда взялся.

Я встал и выглянул из переулка. Улица была относительно пуста. Я быстро перебежал на другую сторону и нырнул в ещё один проход между домами. Так, двигаясь переулками, я добрался до какого-то подобия рынка.

Это было зрелище.

Деревянные прилавки, навесы из мешковины, толпы людей в старинной одежде. Пахло рыбой, мясом, специями и потом. Крики торговцев, ржание лошадей, лай собак. Я остановился на краю площади и попытался оценить обстановку.

Мне нужна была одежда. И еда. И информация.

Я похлопал себя по карманам. Телефон — разряжен, бесполезен. Кошелёк — там были рубли, банковские карты, водительские права. Всё это в XVIII веке не стоило ничего. Но… Я нашёл в кармане куртки монету. Пятирублёвую монету, обычную, с двуглавым орлом.

Я уставился на неё. Двуглавый орёл. Российская империя. Монета была современной, но… Может быть, в этом времени она выглядела как что-то знакомое? Может быть, я смогу её кому-то продать?

Я сунул монету обратно в карман и пошёл вдоль рядов. Нужно было найти кого-то, кто не станет задавать вопросов. Какого-нибудь торговца, который согласится обменять одежду на… что-то.

— Эй, господин!

Я вздрогнул и обернулся. Ко мне подошёл мужчина в грязном фартуке, с красным лицом и хитрыми глазами.

— Ты кто такой? — спросил он, оглядывая меня с ног до головы. — Не здешний?

— Не здешний, — согласился я, стараясь говорить как можно более нейтрально. — Путешественник. Из… дальних мест.

— Из дальних? — Мужчина прищурился. — А одёжа у тебя чудная. Не русская.

— Немецкая, — соврал я. — Я… из Германии.

— Из Германии? — Мужчина почесал затылок. — И что ты тут делаешь?

— Ищу работу, — сказал я. — И… мне нужна одежда. Я готов заплатить.

Я показал монету. Мужчина посмотрел на неё и расхохотался.

— Что это? — спросил он, тыкая пальцем в монету. — Кружок какой-то. Это не деньги.

— Это… — Я замялся. — Это иностранная монета. Очень ценная. Я могу обменять её…

— Не нужна мне твоя иностранная монета, — отрезал мужчина. — Иди отсюда, пока я стражу не позвал.

Он отвернулся и пошёл прочь. Я остался стоять, сжимая бесполезную монету в кулаке.

— Чёрт, — прошептал я.

Я отошёл в сторону, пытаясь не привлекать внимания. Нужно было придумать другой план. Может быть, украсть одежду? Нет, слишком рискованно. Может быть, найти кого-то, кто поверит в мою историю?

— Господин

Голос был тихим, но я услышал его. Я обернулся. Передо мной стояла девочка лет двенадцати, в рваном платье и с грязным лицом. Она смотрела на меня с любопытством.

— Ты не здешний, — сказала она. — Я видела, как ты разговаривал с дядей Фёдором. Он жулик.

— Да? — Я насторожился. — А ты кто?

— Я Машка, — ответила она. — Я тут живу. На рынке.

— И что тебе нужно?

Девочка пожала плечами.

— Ты голодный, — сказала она. — У тебя лицо голодное. Хочешь хлеба?

Я посмотрел на неё. В её глазах было что-то такое… Не жалость. Скорее, любопытство. Как будто я был диковинным зверем, которого она увидела впервые.

— Хочу, — признался я. — Но у меня нет денег.

— А что у тебя есть?

Я подумал. У меня был телефон. Разряженный, но всё ещё ценный как… как что-то непонятное. У меня были ключи от квартиры. У меня был кошелёк с картами. И у меня были знания.

— Я умею лечить, — сказал я. — Немного. И… я умею считать. И писать.

Девочка посмотрела на меня с сомнением.

— Лечить? — переспросила она. — Как?

— Ну… — Я вспомнил всё, что знал о медицине. — Я знаю, как остановить кровотечение. Как обработать рану. Как…

— У меня мамка болеет, — перебила меня Машка. — У неё жар. Ты можешь помочь?

Я замер. Это был шанс. Может быть, единственный шанс.

— Могу, — сказал я. — Но мне нужна твоя помощь. Мне нужна одежда. И… мне нужно, чтобы ты никому не рассказывала, кто я такой.

Девочка прищурилась.

— Ты разбойник? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Я… Я просто человек, который попал в беду.

Машка долго смотрела на меня. Потом кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Пойдём. Только если ты обманешь…

— Не обману, — пообещал я.

Мы пошли через рынок, лавируя между прилавками и людьми. Машка шла быстро, уверенно, как будто знала каждую щель в этом хаосе. Я едва поспевал за ней.

— А откуда ты пришёл? — спросила она на ходу.

— Издалека, — ответил я.

— Из-за моря?

— Почти.

— А почему у тебя одежда такая странная?

— Это… мода такая. В моей стране.

Машка фыркнула.

— Странная мода, — сказала она. — Как будто ты с луны свалился.

Я не ответил. Потому что она была права.

Мы вышли с рынка и пошли по узким улицам. Я старался запоминать дорогу, но всё выглядело одинаково: деревянные дома, грязь, серое небо. Через десять минут мы остановились у маленького домика на краю какого-то двора.

— Здесь, — сказала Машка. — Только тихо. Мамка спит.

Она открыла дверь и вошла внутрь. Я последовал за ней.

Внутри было темно и тесно. Пахло травами и болезнью. На кровати в углу лежала женщина — худая, бледная, с закрытыми глазами. Её лицо блестело от пота.

Я подошёл ближе. Женщина дышала тяжело, с хрипом. Я приложил ладонь к её лбу — горячий. Очень горячий.

— Как давно она болеет? — спросил я.

— Три дня, — ответила Машка. — Сначала кашляла, потом жар начался. Я давала ей травы, но не помогает.

Я осмотрел женщину. Горло красное, дыхание затруднённое. Похоже на пневмонию. В XVIII веке это был смертный приговор. Но у меня были знания.

— Мне нужна вода, — сказал я. — Кипячёная. И чистые тряпки. И… есть ли у вас уксус?

— Есть, — сказала Машка.

— Хорошо. И ещё… — Я задумался. — Мне нужна водка. Или спирт. Что-то крепкое.

Машка кивнула и убежала. Я остался один с больной женщиной. Я посмотрел на неё и понял, что это мой первый шаг в этом мире. Первое испытание.

— Я справлюсь, — прошептал я. — Я должен справиться.

Через несколько минут Машка вернулась с водой, тряпками и бутылкой мутной жидкости. Я понюхал — самогон. Не идеально, но сойдёт.

Я начал действовать. Промыл руки, обработал их самогоном. Смочил тряпку в уксусе и протёр лицо и шею женщины. Потом заставил её выпить немного воды.

— Мамка, — тихо сказала Машка. — Мамка, проснись.

Женщина открыла глаза. Мутные, больные. Она посмотрела на меня и испугалась.

— Кто… — прохрипела она.

— Тише, — сказал я. — Я друг. Я помогу.

Я не знал, сработает ли это. Я не был врачом. Но я знал основы. Знал, что нужно сбить температуру, что нужно дать организму бороться. И я знал, что в этом времени даже простые знания могут спасти жизнь.

Я провёл у постели больной всю ночь. Менял компрессы, давал воду, следил за дыханием. Машка сидела рядом, смотрела на меня и молчала.

К утру жар начал спадать. Женщина задышала ровнее. Я откинулся на стену и закрыл глаза. Усталость навалилась так, что я едва мог думать.

— Ты сделал это, — тихо сказала Машка.

— Кажется, — ответил я.

Она посмотрела на меня. В её глазах было что-то новое. Уважение? Благодарность?

— Ты странный, — сказала она. — Но ты хороший.

Я усмехнулся.

— Спасибо.

— Как тебя зовут?

Я замер. Это был важный вопрос. Имя — это первое, что нужно было придумать. Я не мог назвать своё настоящее имя. Слишком необычное. Слишком… чужое.

— Алексей, — сказал я. — Алексей… Петров.

Машка кивнула.

— Алексей, — повторила она. — Ладно.

Она встала и пошла к печке.

— Ты голодный, — сказала она. — Я сварю кашу.

Я остался сидеть на полу, прислонившись к стене. За окном светало. Серое небо становилось чуть светлее. Где-то закричал петух.

Я в прошлом. Я в XVIII веке. У меня нет ничего, кроме знаний и желания выжить.

И где-то там, в этом городе, уже работают люди, которые ищут таких, как я. Люди из Тайной канцелярии.

Я не знал, что ждёт меня впереди. Но я знал одно: я не сдамся.

Я выживу

Даже если для этого придётся стать кем-то другим.

Глава 2. Без имени

Три дня я прожил в доме Машки и её матери.

Три дня — это немного, если считать в масштабах истории. Но для человека, выброшенного из своего времени в чужой мир, каждый час растягивается в вечность. Я спал на полу, укрывшись старым тулупом, ел пустую кашу и пытался понять, как жить дальше.

Мать Машки — её звали Аграфена — пошла на поправку. Жар спал, кашель стал мягче, и на четвёртый день она впервые села на кровати. Худая, бледная, с запавшими глазами, но живая.

— Спасибо тебе, — сказала она, глядя на меня. — Не знаю, кто ты, но… спасибо.

Я кивнул. Слова были лишними.

Аграфена работала прачкой — стирала бельё для какого-то купца. Машка помогала ей, бегала по рынку, таскала воду. Они жили бедно, но честно. И я понимал, что не могу оставаться у них навсегда. Я был обузой. И, что хуже, я был опасен. Если меня начнут искать…

— Мне нужно уйти, — сказал я на четвёртый день.

Машка посмотрела на меня с тревогой.

— Куда?

— Не знаю, — признался я. — Но я не могу остаться. Если кто-то узнает, что вы меня прятали…

Аграфена вздохнула.

— Ты прав, — сказала она. — Времена такие, что за лишнего человека по головке не погладят.

Она встала, порылась в сундуке и достала старый кафтан, рубаху и штаны. Всё было латаным-перелатаным, но чистым.

— Возьми, — сказала она. — Не бог весть что, но хоть не будешь пугать людей своим видом.

Я переоделся. Кафтан был велик, рубаха кололась, штаны болтались. Но я хотя бы перестал выглядеть как пришелец из другого мира.

— Спасибо, — сказал я. — Я верну.

— Не надо, — ответила Аграфена. — Ты спас мне жизнь. Этого достаточно.

Машка проводила меня до угла улицы.

— Ты вернёшься? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я честно.

Она кивнула, как будто ожидала такого ответа. Потом сунула мне в руку кусок хлеба.

— Держи, — сказала она. — И… будь осторожен. В городе много злых людей.

Я взял хлеб и пошёл прочь.

Теперь у меня была одежда. Но не было ни денег, ни документов, ни места, где жить. Я был никем. Бродягой без имени.

Первым делом я решил избавиться от остатков своего прошлого. Телефон, кошелёк, ключи — всё это нужно было либо продать, либо спрятать. Но что можно продать в XVIII веке? Кому нужен кусок пластика с разряженной батареей?

Я нашёл укромное место — под мостом через какой-то канал. Там было сыро и темно, но зато меня никто не видел. Я сел на камень и разложил перед собой свои сокровища.

Телефон. Чёрный прямоугольник, потухший экран. Я нажал кнопку — ничего. Батарея села ещё до того, как я оказался здесь. Бесполезный кусок стекла и металла.

Кошелёк. Внутри — банковские карты с именами, которые ничего не значили в этом мире. Водительские права с фотографией человека, которого здесь не существовало. Несколько купюр — рублей, которые выглядели как иностранные ассигнации.

Ключи от квартиры. Маленькие, блестящие, абсолютно бесполезные.

И монета. Пятирублёвка с двуглавым орлом. Единственное, что хоть как-то могло сойти за деньги.

Я сжал монету в кулаке и задумался.

Если я хочу выжить, мне нужно найти способ зарабатывать. Знания — это хорошо, но знания не накормят. Мне нужно что-то, что можно продать. Что-то, что люди в этом мире оценят.

Я вспомнил, как лечил Аграфену. Простые знания — кипячёная вода, чистые тряпки, уксус. В XVIII веке это была почти магия. Может быть, я смогу на этом заработать? Стать лекарем? Нет, слишком рискованно. Врачевание — это ремесло, которому учатся годами. Меня быстро раскусят.

Может быть, физика? Математика? Я знал вещи, которые в этом мире ещё не открыли. Но кому они нужны? Купцу, который считает прибыль? Офицеру, который рассчитывает траекторию пушечного ядра?

Я вспомнил, что в XVIII веке была мода на всякие диковины. Механические игрушки, оптические приборы, фокусы. Может быть, я смогу сделать что-то, что удивит людей?

Но для этого нужны материалы, инструменты, мастерская. А у меня не было ничего.

Я сидел под мостом и чувствовал, как отчаяние подступает к горлу. Я был один. Совсем один. В чужом мире, в чужом времени, без денег и без будущего.

— Эй!

Я вздрогнул и поднял голову. На мосту стояли двое — мужчина в форме и мальчишка. Форма была странной: тёмный кафтан с красными обшлагами, шляпа с кокардой. Стражник.

— Ты чего тут делаешь? — крикнул он.

— Ничего, — ответил я, быстро пряча телефон и кошелёк за пазуху. — Отдыхаю.

— Отдыхает он, — проворчал стражник. — А ну, иди сюда!

Я понял, что бежать бесполезно. Поднялся на мост и подошёл к стражнику. Тот оглядел меня с ног до головы.

— Кто такой? — спросил он.

— Алексей Петров, — сказал я. — Путешественник.

— Путешественник? — Стражник прищурился. — А документы у тебя есть?

— Нет, — признался я. — Потерял.

— Потерял, — повторил стражник. — Все вы, бродяги, говорите, что потеряли. А откуда идёшь?

— Из… из Новгорода.

— Из Новгорода? — Стражник посмотрел на мальчишку, который стоял рядом. — Слышал, Митька? Из Новгорода он.

Мальчишка хихикнул.

— А одёжа на тебе с чужого плеча, — сказал стражник. — И вид у тебя подозрительный. Ну-ка, показывай, что у тебя за пазухой.

Я замер. Если он найдёт телефон…

— Ничего у меня нет, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Только хлеб.

— Врёшь, — отрезал стражник. — Я видел, как ты что-то прятал. А ну, выкладывай!

Он схватил меня за грудки и потянул. Я попытался оттолкнуть его, но он был сильнее. Через секунду телефон и кошелёк оказались у него в руках.

— Что это? — спросил он, вертя телефон в пальцах.

— Это… — Я лихорадочно искал объяснение. — Это… шкатулка. Для… для табака.

— Шкатулка? — Стражник нажал на кнопку, и телефон, конечно, не включился. — Не открывается.

— Она сломана, — сказал я. — Поэтому я её и не продаю.

— Сломана, — повторил стражник. — А это что?

Он открыл кошелёк и вытащил карты.

— Бумажки какие-то, — сказал он. — С надписями. Не по-нашему.

— Это… письма, — соврал я. — От родственников.

— Письма? — Стражник хмыкнул. — А почему они такие твёрдые?

Он согнул карту, и она треснула. Он уставился на неё с удивлением.

— Диковина, — сказал он. — А ну, пошли.

— Куда? — спросил я.

— В участок, — ответил стражник. — Разберутся.

Он схватил меня за руку и потащил за собой. Мальчишка побежал следом, глазея на меня, как на дикого зверя.

— Я ничего не сделал, — сказал я. — Я просто…

— Молчи, — оборвал стражник. — Там разберутся.

Меня привели в низкое деревянное здание с решётками на окнах. Внутри было темно и холодно, пахло сыростью и потом. Стражник втолкнул меня в комнату и усадил на скамью.

За столом сидел писарь — худой мужчина в очках, с чернильницей и пером. Он поднял на меня глаза.

— Что за человек? — спросил он.

— Бродяга, — ответил стражник. — Без документов. С диковинами.

Он положил на стол телефон и кошелёк. Писарь посмотрел на них с любопытством.

— Странные вещи, — сказал он. — Откуда?

— Из Новгорода, — ответил я.

— Из Новгорода, — повторил писарь. — А почему одёжа с чужого плеча?

— Потерял свою.

— Потерял, — писарь усмехнулся. — Все вы, бродяги, всё теряете. А имя у тебя есть?

— Алексей Петров.

— А документы?

— Нет.

Писарь вздохнул и что-то записал в книгу.

— Ну, Алексей Петров без документов, — сказал он. — Значит, так. Либо ты сидишь здесь, пока не выяснится, кто ты такой, либо…

Он замолчал, глядя на дверь. Я обернулся.

В дверях стоял человек. Высокий, в тёмном кафтане без знаков различия, с непроницаемым лицом. Он посмотрел на меня, потом на стол, потом на писаря.

— Что тут? — спросил он тихо.

— Бродяга, — ответил писарь. — Без документов. С диковинами.

Человек подошёл к столу и взял телефон. Повертел в руках, нажал кнопку. Ничего не произошло. Потом он посмотрел на кошелёк, вытащил карты. Долго изучал их, держа на свет.

— Интересно, — сказал он. — Очень интересно.

Он посмотрел на меня. Его глаза были серыми, как петербургское небо. Холодными и внимательными.

— Кто ты? — спросил он.

— Алексей Петров, — ответил я, стараясь не отводить взгляд. — Путешественник.

— Путешественник, — повторил он. — Из Новгорода?

— Да.

— А как ты оказался в Петербурге?

— Пришёл пешком.

— Пешком, — он улыбнулся, но улыбка была холодной. — Из Новгорода пешком. Без документов. В одежде с чужого плеча. С диковинами, которых я никогда не видел.

Он положил телефон на стол и придвинулся ближе.

— Ты врёшь, — сказал он. — И я хочу знать, почему.

Я молчал. Что я мог сказать? Правду? Что я из будущего? Что я случайно попал сюда через экспериментальную установку? Меня либо сочтут сумасшедшим, либо… либо поверят. И тогда будет ещё хуже.

— Молчишь, — сказал человек. — Это хорошо. Значит, есть что скрывать.

Он повернулся к писарю.

— Оформи его как бродягу, — сказал он. — Подозрительная личность. Пусть посидит, пока я не разберусь.

— Слушаюсь, — ответил писарь.

Человек вышел. Стражник схватил меня за руку и потащил в коридор. Через минуту я оказался в маленькой камере — тёмной, сырой, с соломой на полу.

Дверь захлопнулась.

Я остался один.

Я сидел на соломе и смотрел в стену. В голове было пусто. Я не знал, что будет дальше. Меня могли пытать, могли сослать в Сибирь, могли просто забыть. В XVIII веке человеческая жизнь ничего не стоила.

Я думал о Машке. О Аграфене. О том, что я их больше никогда не увижу. Думал о своём времени, о своей квартире, о своей диссертации. Обо всём, что осталось там, за гранью, которую я не мог переступить.

Я не знал, сколько прошло времени. Час? Два? Пять? В камере не было окон, только тонкая полоска света под дверью.

Потом дверь открылась.

На пороге стоял тот же человек в тёмном кафтане. Рядом с ним — стражник с фонарём.

— Вставай, — сказал человек.

Я поднялся. Ноги затекли, я едва держался.

— Идём, — сказал человек.

Меня вывели из камеры и повели по коридору. Мы прошли мимо писаря, мимо стражников, мимо каких-то людей в форме. Я не понимал, куда меня ведут.

Наконец мы остановились у двери. Человек открыл её и жестом пригласил меня войти.

Комната была небольшой, но обставленной иначе, чем камера. Стол, стулья, шкаф с бумагами. На стене — портрет женщины в короне. Екатерина II.

Человек сел за стол и указал мне на стул.

— Садись.

Я сел.

— Меня зовут Пётр Андреевич, — сказал он. — Я служу в Тайной экспедиции.

Я похолодел. Тайная экспедиция. Политический сыск. Пытки. Сибирь.

— Не бойся, — сказал он, заметив мою реакцию. — Пока не бойся. Я хочу поговорить.

Он достал из ящика стола телефон и положил его перед собой.

— Что это? — спросил он.

Я молчал.

— Я видел много диковин, — продолжил он. — Видел часы, которые показывают фазы луны. Видел механических птиц, которые поют. Видел зеркала, которые увеличивают в сто раз. Но такого я не видел никогда.

Он нажал на кнопку. Ничего не произошло.

— Оно не работает, — сказал я. — Я же говорил.

— Знаю, — ответил он. — Но я хочу знать, что это.

Я смотрел на него и понимал, что врать бесполезно. Он был умён. Он видел, что я не такой, как все. И он не отстанет.

— Это… — Я вздохнул. — Это сложно объяснить.

— Попробуй

— Это… устройство для связи. Для передачи сообщений на расстояние.

Пётр Андреевич поднял бровь.

— На расстояние? Как?

— Это… — Я лихорадочно искал слова. — Это как… как голубь, но быстрее. Намного быстрее. Но оно сломалось. Поэтому не работает.

— Голубь, — повторил он. — Интересно. А откуда у тебя это устройство?

— Я… я его сделал.

— Ты? — Он посмотрел на меня с сомнением. — Ты выглядишь слишком молодым для такого.

— Я… я учился. В Европе. В Германии.

— В Германии, — Пётр Андреевич кивнул. — А как ты оказался в России?

— Приехал… искать работу.

— И что ты умеешь?

Я задумался. Это был шанс. Если я смогу убедить его, что я полезен, может быть, меня не убьют. Может быть, меня отпустят.

— Я умею лечить, — сказал я. — Немного. И… я знаю математику. Физику. Химию.

— Химию? — Пётр Андреевич заинтересовался. — Это что такое?

— Это… наука о веществах. О том, как они соединяются и превращаются.

— Как алхимия?

— Нет. Алхимия — это поиск философского камня. Химия — это… наука. Настоящая.

Пётр Андреевич долго смотрел на меня. Потом откинулся на спинку стула.

— Знаешь, — сказал он, — я мог бы отправить тебя в Сибирь. Или на каторгу. Или просто повесить. Никто бы не заметил.

Я молчал

— Но ты мне интересен, — продолжил он. — Ты говоришь странные вещи. Ты знаешь то, чего не знают другие. И ты не похож на обычного бродягу.

Он наклонился вперёд.

— Я предлагаю тебе выбор, — сказал он. — Либо ты сидишь в камере, пока я не решу, что с тобой делать. Либо ты работаешь на меня.

— Работаю? — переспросил я.

— Да. Ты будешь делать то, что я скажу. Помогать в делах. Использовать свои знания. И если ты окажешься полезен… может быть, я даже дам тебе документы.

Я смотрел на него и понимал, что это не выбор. Это был единственный путь.

— Я согласен, — сказал я.

Пётр Андреевич кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начнём.

Он встал и подошёл к двери.

— Завтра ты получишь первое задание, — сказал он. — А пока… отдохни.

Он открыл дверь и жестом пригласил меня выйти.

— И ещё, — добавил он. — Не пытайся бежать. Найду.

Я кивнул

Я вышел из комнаты и пошёл за стражником. Меня отвели в маленькую комнату — не камеру, но и не покои. Кровать, стол, стул. Окно с решёткой.

Дверь закрылась.

Я сел на кровать и закрыл глаза.

Я в Тайной экспедиции. Я работаю на политический сыск. Я стал агентом.

И я не знал, что будет дальше.

Но я знал одно: я выживу. Чего бы это ни стоило.

Глава 3. Люди в чёрном

Ночь я не спал.

Лежал на жёсткой койке, укрывшись тонким одеялом, и смотрел в потолок. В голове крутились мысли, одна мрачнее другой. Я согласился работать на Тайную экспедицию. На политический сыск Российской империи. На организацию, которая отправляла людей на дыбу и в Сибирь.

Но был ли у меня выбор?

Я вспоминал всё, что знал об этом времени. Екатерина II, 1770-е годы. Эпоха просвещённого абсолютизма. Эпоха, когда императрица переписывалась с Вольтером и Дидро, но при этом не стеснялась отправлять неугодных в Шлиссельбургскую крепость. Эпоха, когда Тайная канцелярия была формально упразднена, но её функции перешли к Тайной экспедиции при Сенате. Та же система, другие вывески.

Я знал, что в этом мире нет прав человека. Нет адвокатов. Нет суда присяжных. Есть только воля государыни и те, кто эту волю исполняет. И я теперь один из них.

Утром за мной пришли.

Стражник — молодой парень с прыщавым лицом — открыл дверь и бросил:

— Вставай. Тебя ждут.

Я поднялся, поправил кафтан и вышел следом. Мы шли по коридорам, которые я уже начал запоминать. Поворот, лестница, ещё поворот. Наконец мы остановились у массивной дубовой двери.

Стражник постучал.

— Входи, — раздался голос из-за двери.

Я вошёл

Комната была больше той, где я разговаривал с Петром Андреевичем. Длинный стол, за которым сидели трое. На стенах — карты и портреты. В углу — шкаф с папками. Свет из окон падал на стол, и в этом свете я увидел лица людей, которые решали мою судьбу.

Первый — тот самый Пётр Андреевич. Сидел слева, сложив руки на столе. Смотрел на меня внимательно, как будто изучал.

Второй — мужчина постарше, лет пятидесяти, с седыми висками и усталыми глазами. Он был в штатском, но что-то в его осанке говорило о военной выправке. Может быть, отставной офицер.

Третий — человек, которого я не ожидал увидеть. Женщина. Немолодая, в тёмном платье, с плотно сжатыми губами. Она смотрела на меня так, как смотрят на насекомое под микроскопом.

— Садись, — сказал Пётр Андреевич, указывая на стул напротив стола.

Я сел. Стул был жёсткий, неудобный. Наверное, специально.

— Итак, — начал Пётр Андреевич, — мы обсудили твоё дело. И приняли решение.

Я молчал, ожидая приговора.

— Ты человек без имени, — продолжил он. — Без документов, без родни, без прошлого. В обычных обстоятельствах тебя бы отправили в Сибирь или на каторгу. Но…

Он замолчал, глядя на женщину. Та кивнула, как будто давая разрешение.

— Но у тебя есть знания, — сказал Пётр Андреевич. — И эти знания могут быть полезны.

— Полезны? — переспросил я.

— Да, — ответил мужчина с седыми висками. Голос у него был низкий, спокойный. — Ты говорил о химии. О физике. О вещах, которых мы не знаем. Это… интересно.

— Кто вы? — спросил я.

Мужчина улыбнулся. Улыбка была невесёлой.

— Меня зовут Александр Иванович, — сказал он. — Я служу в Тайной экспедиции. А это, — он кивнул на женщину, — Мария Фёдоровна. Она… скажем так, наш аналитик.

Женщина не улыбнулась. Она продолжала смотреть на меня с тем же выражением — холодным и внимательным.

— Мы проверили твои слова, — сказала она. Голос у неё был резкий, как нож. — Ты говорил, что учился в Германии. Но ни один немецкий университет не знает студента по имени Алексей Петров.

Я замер

— Ты также говорил, что пришёл из Новгорода, — продолжила она. — Но ни один новгородский купец не знает тебя. Ни один трактирщик не видел тебя. Ни один извозчик не подвозил тебя.

Она наклонилась вперёд.

— Так кто ты такой, Алексей Петров? Если это вообще твоё имя.

Я молчал. Что я мог сказать? Правду? Что я из будущего? Что я попал сюда через экспериментальную установку? Меня либо сочтут сумасшедшим, либо…, либо поверят. И тогда будет ещё хуже.

— Молчишь, — сказала Мария Фёдоровна. — Это правильно. Умный человек молчит, когда не знает, что сказать.

Она откинулась на спинку стула.

— Мы не требуем, чтобы ты рассказал нам всё, — сказала она. — Пока не требуем. Но мы должны знать, что ты не представляешь угрозы.

— Я не представляю угрозы, — сказал я. — Я просто… я просто хочу выжить.

— Все хотят выжить, — ответила она. — Но не все готовы работать на благо Империи.

Пётр Андреевич вмешался:

— Мы предлагаем тебе выбор, — сказал он. — Либо ты отправляешься в Сибирь. Или на каторгу. Или… ты работаешь на нас.

— Работаю? — переспросил я. — Делаю что?

— Помогаешь, — ответил Александр Иванович. — Используешь свои знания. Мы будем давать тебе задания. Ты будешь их выполнять.

— Какие задания?

— Разные, — сказал Пётр Андреевич. — Пока не знаем. Но ты нам нужен.

Я смотрел на них и понимал, что это не выбор. Это был ультиматум. Либо я соглашаюсь, либо меня уничтожают. В XVIII веке с людьми не церемонились.

— А если я откажусь? — спросил я.

Мария Фёдоровна усмехнулась.

— Тогда мы вернёмся к первоначальному плану, — сказала она. — Сибирь. Или каторга. Или что-нибудь похуже.

— Что может быть хуже?

— Поверь, может, — сказала она. — У нас есть люди, которые умеют развязывать языки. И они не всегда используют слова.

Я похолодел. Пытки. Я знал, что в этом времени пытали. Дыба, кнут, раскалённое железо. И я знал, что долго не выдержу.

— Я согласен, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Пётр Андреевич. — Тогда с этого момента ты работаешь на Тайную экспедицию.

Он встал и подошёл ко мне.

— Ты будешь жить здесь, — сказал он. — В одной из комнат. Тебе дадут одежду, еду, всё необходимое. Но ты не будешь выходить за пределы здания без разрешения.

— Это тюрьма? — спросил я.

— Это служба, — ответил он. — И запомни: если ты попытаешься бежать, тебя найдут. Где бы ты ни был. И тогда…

Он не закончил фразу. Ему и не нужно было.

— Я понял, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Александр Иванович. — Тогда начнём.

Он достал из ящика стола папку и положил перед собой.

— Твоё первое задание, — сказал он. — Ты умеешь читать?

— Умею, — ответил я.

— Тогда читай.

Он открыл папку и вытащил лист бумаги. Я взял его.

Это был донос. Обычный донос, написанный корявым почерком. Я пробежал глазами текст.

«…имею честь донести, что в доме купца Семёна Кораблёва по Невской перспективе собираются люди. Говорят, о государыне непотребное. Читают книги запретные. Имеют между собой знаки тайные…»

— Что здесь? — спросил я.

— Донос, — ответил Александр Иванович. — Поступил три дня назад. Мы проверили — купец Кораблёв действительно собирает у себя людей. Но кто они и что делают — мы не знаем.

— И что я должен сделать?

— Ты должен выяснить, — сказал он. — Ты… не похож на наших. Ты говоришь странно, ведёшь себя странно. Ты можешь войти в дом, не вызывая подозрений.

— Как?

— Мы придумаем легенду, — сказал Пётр Андреевич. — Ты будешь… скажем, иностранцем. Немцем. Ты плохо говоришь по-русски, но достаточно, чтобы объясняться. Ты ищешь работу. Ты слышал, что купец Кораблёв ищет помощника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.